

ЕВРЕИ НА ЮГѢ РОССИИ.

II.

(Окончаніе *).

Невыгодныя экономическія условія, въ которыхъ поставлены русскій народъ и русское общество, всѣмъ извѣстны; но эта невыгода станетъ еще болѣе очевидною, когда мы познакомимся съ экономическими условіями евреевъ.

Россія — страна земледѣльская. Но земледѣліе наше дожило до того крайне низкаго средняго урожая, при которомъ невозможно уже накопленіе запасовъ, т. е. капитала, для свободной дальнѣйшей дѣятельности, и потому земледѣлецъ нашъ сталъ жить въ долгъ. Безъ кредита, дѣятельность его нынѣ парализована: онъ не можетъ приобретать ни необходимыхъ ему сельскохозяйственныхъ орудій, ни сѣмянъ, не можетъ обрабатывать своей земли. Бывшіе помѣщики, нынѣшніе землевладѣльцы, хотя и пользовались долгосрочнымъ кредитомъ, но это пользованіе не могло принести ни имъ, ни народу, ни государству никакой пользы, такъ какъ пересажанные изъ поч-

вы, вѣками воздѣланной, т. е. съ крѣпостного труда на совершенно новую почву — вольнонаемный трудъ, они не имѣли въ своихъ рукахъ ни орудій, ни умственныхъ средствъ для воздѣлыванія этой новой почвы. Хотя въ началѣ и появилось стремленіе къ собиранію русскихъ умственныхъ силъ для коллективной работы, но въ концѣ концовъ наступило полное разъединеніе, разобщеніе ихъ. Разрозненныя умственные русскія силы представляли въ послѣднее время пассивныя, помертвѣлыя, загнанныя единицы; изъ нихъ и сложилось то пассивное, апатичное, бездѣятельное общество, изъ застоявшейся крови котораго и образовался болѣзненный параличъ, такъ называемый русскій социализмъ. Вольнонаемный трудъ требовалъ отъ русскаго общества упорнаго умственнаго напряженія и самой энергической коллективной работы, но общество, въ силу упомянутыхъ причинъ, отшатнулось отъ своей родной земли, не будучи въ силахъ справиться при разобщенной дѣятельности съ вольнонаемнымъ трудомъ. Умственные силы такимъ образомъ были направлены не къ труду, не къ накопленію запасовъ, а къ расхищенію прежде накоплен-

ныхъ богатствъ. Землевладѣльцы посредствомъ долгосрочнаго кредита расхищали богатства своихъ отцовъ и своего народа; они расхитили и растратили сотни милліоновъ и эти милліоны не образовали даже и той ячейки, изъ которой долженъ исходить прогрессъ на русской землѣ. Какъ въ воду кануль двадцатилѣтній періодъ вольнонаемнаго труда, поглотивъ непродолжительно несмѣтныя русскія богатства и растративъ русскія умственные силы на разрозненную, уединенную и конечно чисто теоретическую, разворную дѣятельность, не давъ иныхъ практическихъ результатовъ, кромѣ общаго сознанія, что передъ нами и теперь точно также, какъ на слѣдующій день послѣ уничтоженія крѣпостнаго права, стоитъ тотъ же вопросъ: съ чего и какъ начать прогрессъ на новой почвѣ, на почвѣ вольнонаемнаго труда.

Землевладѣльцы, заложивъ и пере- заложивъ свои земли, лишились уже возможности пользоваться долгосрочнымъ кредитомъ. Крестьяне же собственники и другіе земледѣльцы этимъ кредитомъ до сихъ поръ никогда не пользовались въ Россіи.

Что же касается до кредита краткосрочнаго, то этимъ кредитомъ не пользуются у насъ ни землевладѣльцы, ни крестьяне; въ этомъ отношеніи всякій изъ нихъ предоставленъ самому себѣ; ни государственная казна, ни общество не приходятъ къ нимъ на помощь. Между тѣмъ низкій средній урожай, отсутствіе запасовъ и недостатокъ прогресса въ земледѣліи, который сколько-нибудь способствовалъ бы накопленію запасовъ, вынуждаетъ современнаго земледѣльца съ каждымъ вновь наступающимъ годомъ предпринимать свои работы именно при помощи краткосрочнаго кредита?

Какъ же удовлетворяетъ земледѣлецъ на югѣ Россіи свою потребность въ краткосрочномъ кредитѣ.

Зная, насколько этотъ кредитъ ему обходится дорого, онъ, прежде чѣмъ къ нему прибѣгнуть, распродаетъ изъ своего имущества все, безъ чего можетъ кое-какъ пробыть, не рѣдко лишая себя и семью не только необходимой одежды, но и продовольственнаго матеріала. Когда такимъ образомъ имущество его истощится, онъ прибѣгаетъ къ займу. Но кто ему займетъ, зная его обстоятельства? Кругомъ себя онъ

видитъ товарищей, нуждающихся столь же въ кредитѣ, сколько и онъ самъ. Къ нему нѣтъ никакого довѣрія со стороны болѣе богатыхъ людей, такъ какъ они знаютъ его положеніе, и не довѣряютъ собственно не ему, какъ чело-вѣку, а его обстоятельствамъ. Тяжкое положеніе вынуждаетъ его, будь это землевладѣлецъ или крестьянинъ, запро-дать впередъ продукты будущаго урожая, продать впередъ свой трудъ. И такъ какъ на югѣ Россіи не существуетъ никакой торговой организаціи, которая являлась бы въ данномъ случаѣ на помощь земледѣльцу, и такъ какъ вся мѣстная торговля хлѣбнымъ зерномъ находится въ рукахъ евреевъ, то земледѣлецъ по необходимости обращается къ еврею. Еврей при этомъ не щадитъ христіанина, какъ не щадилъ и христіанинъ еврея въ теченіи длиннаго ряда вѣ-ковъ. Онъ частью лично, частью посредствомъ своего сильно сплоченнаго общества и ближайшихъ пособниковъ, знаетъ какъ дважды два нужды, привычки, страсти и мыслительныя способности всякаго земледѣльца, обращающагося къ нему за деньгами. Этимъ знаніемъ онъ пользуется точно также, какъ пользуется искусный техникъ сво-

ими инструментами; онъ обставляетъ куплю-продажу, залогъ, или заемъ въ такія условія, на которыя земледѣлецъ соглашается, скрѣпя сердце, но соглашается потому, что другого исхода не находитъ, ибо куда бы онъ не обратился, въ контору ли государственнаго банка, въ частный ли банкъ, къ земству, къ знакомымъ, къ роднымъ, всюду встрѣчаетъ отказъ, недовѣріе, пренебреженіе и безучастіе, т. е. всѣ тѣ несчастныя послѣдствія угнетеннаго ума, души и сердца, которыя характеризуютъ безпомощное, бездѣятельное, разрозненное, бессильное и незнающее коллективной работы общество. Еврей является не только эксплуататоромъ такого общества, но и богатыремъ, предъ которымъ преклоняются даже и наиболѣе образованные и зажиточные члены общества, сознающіе свое единичное ничтожество и понимающіе еврейскую коллективную силу.

Итакъ, мы видимъ, что земледѣлецъ южной Россіи находится подъ гнетомъ страшныхъ экономическихъ условій. Съ одной стороны, обѣдненіе вслѣдствіе сильно понизившагося средняго урожая, съ другой — совершенная безо-

* См. газ. „Южный Край“ № 161.

мощность со стороны своего же общества. Эти условия омрачаются еще темъ, что и до сихъ поръ еще продолжается полный застой въ нашей социальной и экономической жизни; замедлитель не видитъ никакого движения ни къ земледѣльческому прогрессу, ни къ объединенію самого общества. Безнадежность и безысходность положенія здѣсь очевидны.

Обратимся теперь къ темъ экономическимъ условиямъ, въ которыхъ находятся евреи на югѣ Россіи.

Еврей не пахнетъ земли, не занимается извозомъ, не ходитъ на поденную работу; только въ видѣ исключенія онъ занимается ремесломъ; главное же, специальное занятіе еврейскаго населенія—торговля.

Еврею невыгодно заниматься неблагодарнымъ физическимъ трудомъ, такъ какъ, будучи членомъ сильно сплоченнаго общества, обладающаго практическими торговыми знаніями и умственнымъ и денежнымъ капиталомъ, онъ въ этомъ же обществѣ находитъ всѣ средства для своей торговой дѣятельности. Это общество обладаетъ всеми необходимыми свѣдѣніями относительно людей, законовъ, обычаевъ, поряд-

ковъ, традицій, преданій того христіанскаго округа, въ которомъ ему приходится дѣйствовать. Хотя это общество не имѣетъ своего открытаго парламента, но навѣрное можно сказать, что ни одинъ парламентъ въ Европѣ не обладаетъ столь богатымъ матеріаломъ для обсужденія своихъ вопросовъ, какимъ обладаютъ евреи для обсужденія нуждъ своего общаго дѣла. На базарѣ, на ярмаркѣ, въ вагонѣ желѣзной дороги, всюду, гдѣ только соберется нѣсколько евреевъ, между ними начинается самый горячій обменъ мыслей. Ни одна встрѣча еврея съ евреемъ не пропадаетъ даромъ для обоихъ: каждый изъ нихъ приобретаетъ массу новыхъ практическихъ свѣдѣній относительно ихъ коллективнаго дѣла, ибо каждый изъ нихъ ежедневно черпаетъ массу этихъ свѣдѣній изъ окружающей его еврейской среды. Эта коллективная умственная работа вселяетъ полное довѣріе еврейскаго общества къ умственному труду и практической дѣятельности каждого своего члена. Разъ до вѣрїе такое имѣется на лицо, каждый членъ черпаетъ изъ своего общества необходимые ему матеріальныя средства для практической своей работы.

Неспособные какъ бы выдѣляются изъ общества и поступаютъ въ ремесленники, городскіе извозчики и т. п.

Евреевъ считается въ Россіи до трехъ милліоновъ. Занимаютъ они обширную и самую плодородную и богатую часть Россіи, именно южную и юго-западную. Для эксплуатаціи столь обширныхъ краевъ, при посредствѣ милліонныхъ агентовъ, нужны громадныя денежныя суммы, и сколько бы евреи не имѣли собственныхъ денегъ, ихъ всегда окажется недостаточно при колоссальной цифрѣ агентовъ и при обширныхъ пространствахъ эксплуатируемаго края, поэтому понятно, что такъ или иначе евреи должны были открыть себѣ дешовый кредитъ... Безошибочно сообразивъ, что одна только торговля можетъ открыть имъ этотъ кредитъ, они, затрачивая ничтожныя суммы на гильдейскія, торговыя свидѣтельства, открыли себѣ дешовый и широкій кредитъ по всему югу въ конторахъ государственнаго банка, въ обществахъ взаимнаго кредита, въ общественныхъ, городскихъ и прочихъ всевозможныхъ банкахъ и кредитныхъ учрежденіяхъ. Всѣ эти учрежденія заперты для нуждающагося въ нихъ земледѣльца. Еврей же, обладая уже свои-

ми собственными капиталами, въ то же время получаетъ ежегодно милліонныя суммы изъ государственной казны и отъ русскаго общества для эксплуатаціи труда русскаго народа.

Итакъ, вотъ тѣ благоприятныя экономическія условия, въ которыя поставлены евреи на югѣ Россіи.

Послѣ всего сказаннаго, мы еще яснѣе видимъ, какава непроходимая бездна лежитъ между социальными и экономическими условиями, въ которыхъ находятся съ одной стороны евреи, съ другой—русскій народъ и русское общество.

Мы видимъ, что между этими условиями нѣтъ равновѣсія: всѣ преимущества на сторонѣ первыхъ, всѣ невыгоды на сторонѣ вторыхъ.

Въ жизни людей, точно такъ же какъ и въ жизни всей природы, силы всегда стремятся къ уравниванію. Законы социальной и экономической жизни ничѣмъ не отличаются отъ законовъ всей остальной природы. Изучать эти законы и уравнивать силы составляетъ задачу христіанскаго прогресса. Гдѣ задача эта признана и проникла въ общество и школу, тамъ уравниваніе происходитъ само сабою, мирнымъ путемъ, въ силу коллек-

тивной, а слѣдовательно и сознательной работы всего общества; гдѣ она отвергается, тамъ уравниваніе достигается скорбнымъ и нежеланнымъ путемъ—насиломъ. Законы природы непреложны и никакая сила человѣческаго ума и воли не въ состояніи отратить послѣдствій ихъ нарушенія. Сопrotивляющійся дѣлается жертвою своей ошибки и падаетъ.

Болѣе восемнадцати вѣковъ великое христіанское ученіе разливается по всему земному шару, побуждая социальныя формы и экономическія отношенія древняго міра. И вотъ, по прошествіи этого длиннаго ряда вѣковъ, мы неожиданно видимъ, какъ среди насъ воскресаетъ сила этого забытаго міра и побуждаетъ насъ. Настала слѣдовательно минута, когда мы должны оглянуться, провѣрить свою тысячелѣтнюю работу и направить свою жизнь на тотъ путь, на который указалъ намъ въ своемъ Евангеліи Спаситель. Все болѣе и болѣе, въ русской жизни накопляются факты, указывающіе на ненормальность нашего экономического „положенія“. Частое повтореніе голодныхъ годовъ, отреченіе цѣлыхъ массъ населенія отъ этого „положенія“ (штун-

да) и наконецъ движеніе народа противъ евреевъ, все это указываетъ на необходимость собранія русскіхъ умственныхъ силъ для коллективной работы, направленной къ спокойствію, величію и счастью своего Государя и всего русскаго могучаго народа.

Застывшее въ своихъ принципахъ, еврейское племя въ концѣ концовъ будетъ побуждено христіанскимъ ученіемъ. Эта побѣда уже совершается на Западѣ. Ни наша проповѣдь, ни наше насиліе не въ состояніи разбить тѣхъ тысячелѣтнихъ традицій, которыми живетъ еврейство. И если имъ суждено оставаться среди насъ, то пусть же ихъ социальныя и экономическія условия не будутъ выше и лучше нашихъ. Русскій законодатель долженъ регулировать, уравнивать эти условия до тѣхъ поръ, пока не наступитъ полное равновѣсіе.

Вѣротерпимость же наша предоставляетъ евреямъ свободу оставаться при своемъ ученіи, или же сливаться съ нами или, наконецъ, вступать въ невраждебный христіанству расколъ.

Въ послѣднихъ двухъ случаяхъ, они заручатся нашими симпатіями, въ первомъ же останутся только при нашей терпимости. Ант. Ушисса.